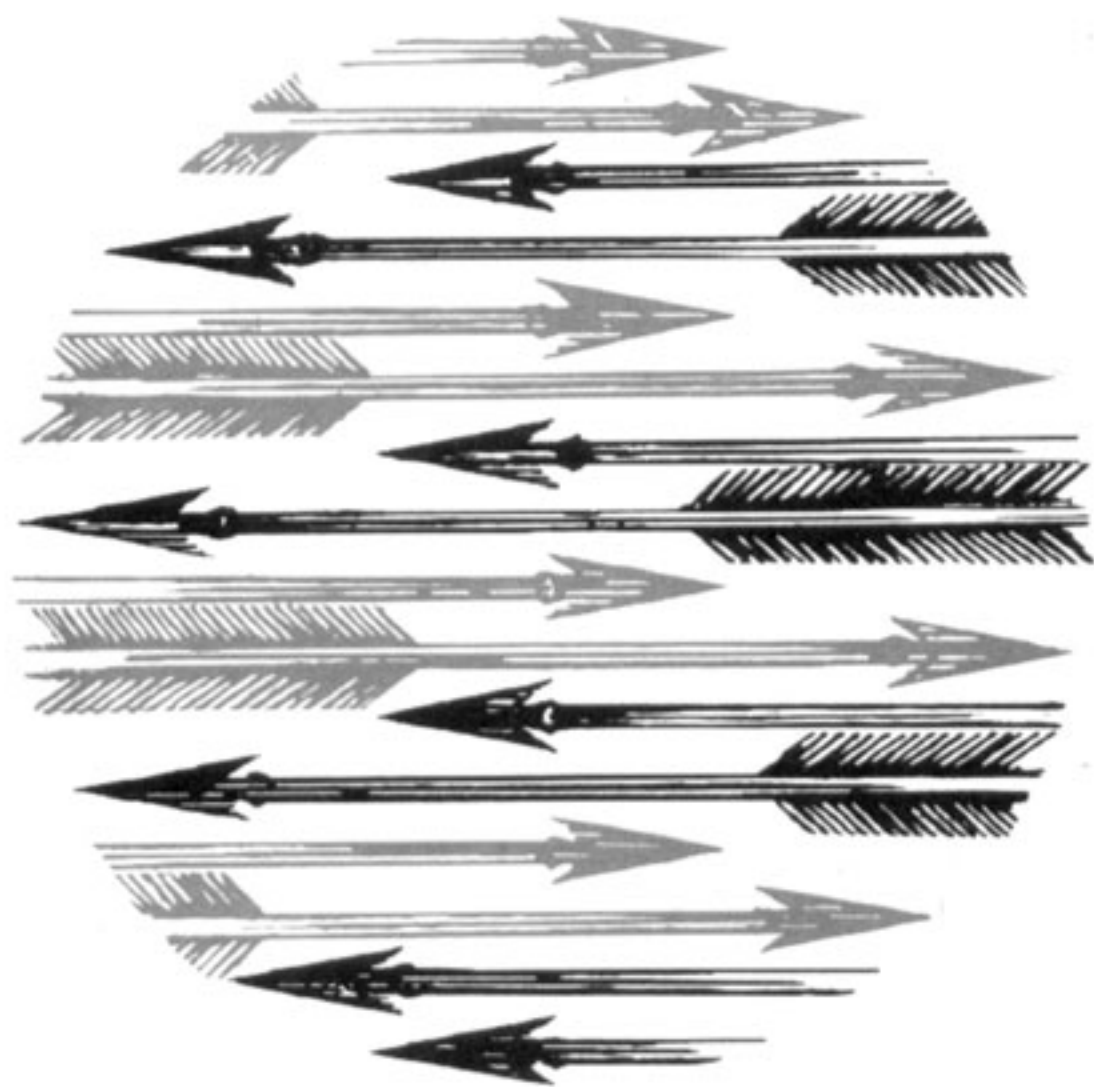
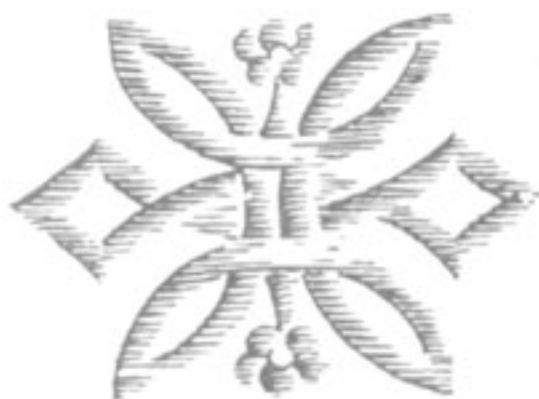

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

МОСКВА · «СОВРЕМЕННОК» · 1986

СЛОВО
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ

800 ЛЕТ

“Слово о полку Игореве» было написано его автором для современников, у которых события похода Игоря Святославича были еще в памяти. В «Слове» много намеков, много глухих упоминаний, которые были понятны современникам, но которые требуют сейчас многочисленных пояснений. Вот почему обычный перевод «Слова о полку Игореве» оставляет много неясностей. Эти неясности не могут быть устранены и обычными примечаниями: примечания не раскрывают последовательности в ходе мыслей автора, дробят цельное впечатление от «Слова», столь важное при чтении художественного произведения.

Объяснительный перевод должен облегчить читателю понимание содержания «Слова», его идейной стороны и композиции. Однако объяснительный перевод не может заменить обычного перевода, не устраняет объяснительный перевод и необходимости в примечаниях, где подробно толкуются исторические упоминания «Слова» и самый текст.

«Слово о полку Игореве» — произведение исключительно сжатое и содержательное. Оно требует многократного чтения. Читая его вновь и вновь, мы всегда находим в нем новые, не замеченные нами прежде глубины содержания. Для одного из таких чтений и предназначен объяснительный перевод. В скобках помещаются в объяснительном переводе все дополнения и пояснения.

Автор «Слова» отказывается начать свое повествование в старых выражениях и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени; он характеризует старую поэтическую манеру Бояна

Не пристало ли нам, братья, начать старыми (старинными) выражениями горестное повествование о походе Игоревом, Игоря Святославича? — (Нет,) начать эту песнь надо, следуя за действительными событиями нашего времени, а не по (старинному) замыслению (способу, плану, приему) Бояна. Ибо Боян, вещий, если хотел кому песнь сложить, то (вместо того чтобы следовать «былинам сего времени») растекался мыслию по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, как говорил, первоначальных времен войны (и) тогда напускал десять соколов (пальцев) на стадо лебедей (струн): который (из соколов) догонял какую (лебедь), та первая (и) пела песнь («славу») старому Ярославу (Мудрому), храброму Мстиславу (Вла-

димировичу), который зарезал Редедю (касожского князя) перед полками касожскими (в Тмуторокани), прекрасному Роману Святославичу (сыну Святослава Ярославича, князя Тмутороканского). То, братья, Боян не десять соколов на стадо лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал; они же сами собой (без всяких усилий, в привычных старых выражениях, «старыми словесы») князьям славу рокотали.

Автор определяет хронологические границы своего повествования

(Итак,) начнем же, братья, повествование это от старого Владимира (Святославича Киевского) до нынешнего Игоря (Святославича Новгород-Северского), который препоясал ум крепостью своею (подчинил свои мысли своей «крепости» — мужеству, храбрости) и поострил сердце свое мужеством; исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Печальное и тревожное начало похода Игоря

Тогда (в начале того печального похода) Игорь взглянул на светлое солнце и увидел (грозное предзнаменование): от него (Игоря) тьмою (затмения) все его воины покрыты. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше (больше чести) ведь зарубленным быть (в битве), чем плененным (бесславно дома, дожидаясь Половецкого набега); так сядем (же), братья, на своих борзых коней (выступим в поход) да поглядим на синий Дон (в земле Половецкой)». Ум князя (мысль) уступил страстному желанию, и охота отведать великого Дона (дойти с победой до Дона) заслонила ему (недоброе) предзнаменование. «Хочу ведь, — сказал (он), — сам копье преломить (сам вступить в единоборство) на границе поля Половецкого; с вами, сыны русские, хочу (или) сложить свою голову, или испить шлемом Дона (победить половцев на Дону)».

Предположение о том, в каких выражениях воспел бы Боян поход Игоря

О Боян, соловей старого времени! Вот бы (уж) ты эти походы (по-соловьиному) воспел, скача, соловей, по воображаемому дереву, летая умом под облаками, соединяя (воедино) славы обеих половин этого времени (славу начальную и конечную времени этого повествования — «от старого Владимира до нынешнего Игоря»), рыща по тропе (языческого старого русского бога) Трояна через поля на горы (иначе говоря — переносясь воображением на огромные расстояния). (Пришлось бы) внуку тому (то есть Бояну — внуку бога Велеса, о котором говорится ниже) воспеть песнь (в честь)

Игоря (в таких старинных выражениях): «Не буря (русских) соколов занесла через поля широкие; стада (половецких) галок (уже) бегут (спасаясь) к Дону великому». Или (так бы) начать петь (тебе), (о) вещий Боян, внук (бога) Велеса: «(Еще только) кони (вражеские) ржут за (пограничную рекою) Сулою, (а) слава (победы уже) звенит в Киеве; трубы (еще только) трубят (созывая войско) в Новгороде (Северском), а стяги (уже) стоят в Путивле!»

Всеволод одобряет намерение своего брата Игоря выступить в поход

(И вот) ждет Игорь милого брата Всеволода (чтобы идти с ним в поход). И сказал ему буйный тур Всеволод (одобряя его): «Один (ты у меня) брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы — Святославичи (оба мы одного храброго гнезда). (Так) седлай (же), брат (мой), своих борзых коней, а мои-то (уже) готовы, оседланы у Курска раньше. А мои-то куряне — опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, концом копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знакомы, луки у них натянуты (изготовлены к бою), колчаны отворены (наизготовку), сабли изострены; сами скачут, как волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Выступление Игоря в поход и грозные предзнаменования

Тогда (после встречи с Всеволодом) вступил Игорь-князь в золотое стремя (выступил в поход) и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою (затмения) путь заграждало (предвещая опасность); ночь, стонуши ему грозою, птиц пробудила (как бы стремясь предупредить его); (зловещий) свист звериный встал (свист степных зверей — сусликов); взбился див (божество восточных народов), кличет на вершине дерева (предупреждая своих о походе русских), велит прислушаться (к походу русских) земле неизвестной (Половецкой степи), Волге, и Поморию, и Посулию (пограничной с Русью земле по реке Суле), и Сурожу (в Крыму), и Корсуню (там же; иными словами — всем враждебным Руси юго-восточным странам), и тебе, Тмутороканский идол (идолу какого-то языческого бога, стоявшего близ Тмуторокани)! И (вот) половцы непроложенными дорогами (дорогами, заранее, как обычно перед походами, не «протеребленными», то есть в крайней спешке) пробежали к Дону великому (навстречу войску Игоря); кричат телеги (их) в полночь, словно лебеди распущенные. (А) Игорь ведет к Дону воинов (несмотря на все дурные предвестия)!

Ведь уже несчастий его (поражения Игоря) подстерегают (хищные) птицы по дубам (ждут

добычи на поле битвы); волки (воем своим) грозу поднимают по оврагам; орлы клектом на кости зверей зовут (предвкушая добычу); лисицы брешут на красные щиты (русских). О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом!

Ночлег войска Игоря в степи и построение в боевой порядок утром

Долго наступает ночь. (Вечерняя) заря свет уронила (свет зари погас). (Вот и) мгла поля покрыла. (Наконец и) щекот соловьиный уснул; (утренний) говор галок пробудился. Русские сыны (наутро) великие поля красными щитами перегородили (построившись в боевой порядок), ища себе чести, а князю — славы.

Войско Игоря рассеивает передовые отряды половцев. Богатая добыча досталась войску Игоря; сам же Игорь берет себе только боевые знаки врагов

Спозаранку в пятницу потоптали (они — воины Игоря) поганые полки половецкие (рассеяли боевой порядок половецких полков) и рассыпались по полю (за добычей), помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. (Добыча их была так велика, что) покрывалами, плащами и кожухами стали мосты (гати) мостить через болота и топкие места и всякими драгоценностями половецкими. (Боевые же знаки:) красный стяг, белая хоругвь, красная челка, серебряное древко (достались) храброму (Игорю) Святославичу.

Снова ночует в поле храбрый выводок князей ольговичей. Лирическое размышление автора о судьбе князей. Движение главных сил половцев к Дону, навстречу Игорю

(И вот) дремлет в поле храбрый выводок Ольговичей! Далеко залетел! Не был он в обиду порожден ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половец! (А между тем) Гзак бежит серым волком, а Кончак (впереди) ему след правит (указывает следом своего войска путь) к Дону великому (навстречу Игорю).

Войска половцев надвигаются. Сетования автора

На другой день совсем рано кровавые зори свет возвещают; черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца (четырех князей — Игоря, Всеволода, Олега и Святослава), а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! (Быть грому сражения!) Пойти дождю стрелами со стороны Дона великого! Тут копьям изломиться (в рукопашной схватке в начале битвы), тут саблям побиться о шлемы половецкие, на реке Каяле, у Дона великого.

О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом!

Постепенное развертывание битвы, слитое с изображением надвигающейся грозы

Вот ветры, внуки Стрибога (бога ветров), (уже) веют со стороны моря (с половецкой стороны) стрелами на храбрые полки Игоревы (битва началась перестрелкой из луков). Земля гудит (под копытами конницы, пошедшей в бой), реки мутно текут (взмученные ногами коней, переходящих их вброд), пыль поля покрывает (от движения множества половецкого войска), стяги (половецкие, своим движением) говорят: половцы идут от Дона (с востока) и от моря (с юга), и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы (боевым, наступательным) кликом поля перегородили, а храбрые сыны русские перегородили (поля) красными щитами (в сомкнутом строю, с плотно составленными щитами, приготовившись к отражению натиска).

Подвиги в битве буй тура Всеволода. В пылу битвы Всеволод не только не чувствует на себе ран — он забыл и феодальную честь, княжеские обязанности, любовь к жене

Ярый тур Всеволод! Стоишь ты в (самой) середине боя, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда (ты), тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат поганые головы половецкие. Рассечены саблями калеными шлемы аварские тобою, ярый тур Всеволод! Какая из ран дорога (чувствительна) тому, кто (в пылу битвы), братья, забыл (даже) честь (феодальную честь — честь, связанную с выполнением своих феодальных обязательств по отношению к старейшему князю — Святославу Киевскому), и достояние (своего княжества), и отцовский золотой стол города Чернигова, и своей милой-желанной, прекрасной (Ольги) Глебовны (жены Всеволода, дочери Глеба Юрьевича Переяславского) свычаи и обычаи (привычки и обычаи: «любовь и ласку»)!

Лирическое отступление автора. Автор вспоминает прошлое Руси и родоначальника нынешних князей ольговичей — Олега Святославича. Олег своими походами положил начало междоусобиям в Русской земле. Страшные последствия междоусобий Олега Святославича для мирного трудового населения Руси.

Были века (бога) Трояна (века языческие), (затем) минули годы Ярославовы (Ярослава Мудрого и его сыновей — ярославичей); были (и) походы Олеговы (Олега Святославича). Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. (Только что) ступает (он) в золотое стремя

(выступая в междоусобный поход) в городе Тмуторокани, тот же звон (звон раздоров, уже заранее) слышал давний (уже умерший) великий Ярослав (Мудрый — противник раздоров), а сын Всеволода Владимир (Мономах, современник Олега и также противник раздоров) каждое утро уши закладывал в Чернигове (где он княжил; настолько тревожил его этот звон). Храброго же и молодого князя Бориса Вячеславича (сына Вячеслава Ярославича) похвальба (перед битвой на Нежатиной Ниве) привела на суд божий и на (реке) Канине постлала ему зеленое погребальное покрывало (зеленую траву) за обиду (за поруганную честь) Олега (Святославича). С такой же (злосчастной, начавшейся по вине Олега Святославича) Каялы (то есть битвы на Нежатиной Ниве, сравниваемой здесь с битвой на Каяле Игоря) Святополк (Изяславич) повелел привезти отца своего (Изяслава Ярославича) между венгерскими иноходцами (как обычно перевозили раненых и убитых) к (храму) святой Софии в Киеве. (Следовательно, поражение потерпели обе стороны.) Тогда, при Олеге Гориславиче, засевалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажьбожьего внука (русского народа); в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали (на лошадей, распахивая землю), но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу.

Сравнение тех ратей Олега Святославича с ратью нынешней — его потомков. Ожесточенность битвы Игоря войска

То было в те (давние) рати и в те походы, а такой рати (как эта — Игоря Святославича) еще не слышано! С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копыта булатные в поле незнаемом, среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костями (павших) была засеяна, а кровью полита: горем взошли (они) по Русской земле.

Поражение войск Игоря. Природа сочувствует несчастью русских

Что мне шумит (что за шум до меня доносится), что мне звенит (что за звон мне слышится) издалека (с поля далекой битвы) рано (утром) перед зорями? (То) Игорь (Святославич) возвращает (бегущие) полки (черниговских ковуев), ибо жаль ему милого брата Всеволода. Бились (ведь они) день, бились другой; на третий день к полудню пали стяги Игоревы (Игорь потерпел поражение). Тут два брата (Игорь и Всеволод) разлучились (захваченные в плен и доставшиеся разным

ханам) на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не достало, тут пир (битву) окончили храбрые русичи: сватов (половцев, половецких князей, которые постоянно вступали в браки с русскими князьями) напоили, а сами полегли за землю Русскую. (Сама природа сочувствует поражению русских:) Никнет трава от жалости, а дерево с тоской к земле приклонилось.

Печальные размышления автора по поводу тяжелого положения Русской земли

Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня (нежилое пространство — степь) войско прикрыла (трупы убитых покрывала трава). Встала обида в (этих полегших) войсках Дажьбожья внука (то есть русских), вступила девою на землю Трояню (на Русь), всплескала лебединными крылами на синем море у Дона; плеская, прогнала времена обилия. Борьба князей против поганых прекратилась, ибо сказал брат брату (князь князю): «Это мое и то (тоже) мое». И стали князья про (всякую) малость «это великое» говорить и сами (тем самым) на себя крамолу ковать. А поганые (пользуясь этим) со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

Оплакивание погибших в бою ратников Игоря

О; (увы!) далеко залетел сокол (Игорь), птиц (половцев) избивая, — к морю! Игоря храброго полка не воскресить (случившегося не воротишь)! По нем (по погибшему полку Игоря) кликнула (заплакала погребальным плачем) Карна, и Желя (погребальные боги) поскакала по Русской земле, размыкивая огонь в пламенном (погребальном) роге. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих милых, любимых ни мыслию не смыслить, ни думою не сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра (и в руках своих) совсем не подержать».

Последствия поражения Игоря

И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная потекла посреди земли Русской. А князи сами на себя крамолу ковали, а поганые (половцы), с победами нарыскивая на Русскую землю, сами брали дань по белке от двора.

Объяснение причин, по которым поражение Игоря оказалось столь тяжелым для всей Русской земли: Игорь своим неудачным походом уничтожил плоды предшествующего победоносного похода на половцев Святослава Киевского

Ибо (потому это все произошло, что) те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже коварство (половцев) пробудили (своим) раздором (со своим главой Святославом и с другими

князьями, не захотев сражаться вместе против половцев), а его (это коварство) усыпил было «отец» их (их глава) Святослав (Всеволодович Киевский, двоюродный брат Игоря и Всеволода) грозный великий киевский грозою (страхом, который на них нагнал): прибил (половцев) своими сильными полками и булатными мечами, наступил на землю Половецкую (за год перед тем), притоптал холмы и овраги (половецкие), возмутил реки и озера (переходя их вброд), иссушил потоки и болота («мосты мостя» по «грязивым местам» — прокладывая дороги войску). А (самого) поганого (хана) Кобяка от лукоморья (у Азовского моря) из железных великих полков половецких, как вихрь, исторг (захватив в плен): и упал Кобяк в городе Киеве, в Святославовой гряднице (в большой пиршественной палате, которую иногда, в случае большого количества пленных, использовали как тюрьму). Тут-то немцы и венецианцы, тут-то греки и чехи поют славу Святославу, укоряют князя Игоря, потопившего богатство на дне Каялы — реки Половецкой, — насыпавшего (на дно Каялы) русского золота (ведь для Руси прошли времена обилия после поражения Игоря). Тут-то Игорь-князь пересел из седла золотого (княжеского) в седло рабское (стал из князя рабом — пленником). Приуныли у городов забрапы (переходы на городских стенах, куда обычно высыпал народ, встречая или провожая войско, где оплакивали павших вдали), и веселье (в городах) поникло.

Автор переносит повествование в Киев, к Святославу Киевскому: Святослав в Киеве видит тяжелый и неясный для него по своему значению сон

А Святослав смутный (непонятный, неясный для него) сон видел в Киеве на горах (где он жил). «В эту ночь с вечера одевали меня, — говорит (он), — черным погребальным покрывалом на кровати тисовой; черпали мне синее вино, с горем смешанное; сыпали мне пустыми (опорожненными от стрел) колчанами поганых иноземцев крупный жемчуг на грудь и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом (как при покойнике, когда умершего выносят из дому через разобранную крышу). Всю ночь с вечера серые вороны граяли (предвещали несчастье) у Плесеньска (под Киевом), в предградье стоял лес Кияни (Киянь — речка под Киевом), и понеслись (они) к синему морю (на юг, к местам печальных событий)».

Бояре Святослава объясняют ему значение его сна, рассказывая о поражении Игоря

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум (твой) полонило; ведь вот два сокола (Игорь Святославич и Всеволод Святославич) слетели с отчего престола золотого (как с соколиной колодки, с которой слетают соколы при соколиной охоте), чтобы добыть город Тмуторокань или испить шлемом из Дону (одержать победу на Дону). Уже (этим двум) соколам крыльница подсекли саблями поганых, а самих опутали в путины (надевающиеся соколам, чтобы они не улетели) железные (заковали в кандалы)

С новой силой возникает тема поражения Игоря. Мысленно перенесясь в цент Руси — к Святославу в Киев, автор «Слова» оценивает поражение Игоря на этот раз с точки зрения внешнего, международного положения Руси

Ибо (потому так толковали сон бояре, что) темно было в третий день (битвы Игоря с половцами): два солнца (Игорь и Всеволод) померкли, оба багряные столба (лучей) погасли, и с ними (погасли) два молодых месяца — Олег и Святослав (Олег Игоревич и Святослав Рыльский — сын и племянник Игоря) — тьмою заволоклись и в море погрузились, и великую смелость возбудили (своим поражением) в хиновах (восточных народах). На реке на Каяле (в месте поражения Игоря) тьма свет покрыла (темные силы одолели светлые); по Русской земле простерлись половцы, как выводок гепардов. Уже спустился позор на славу (позор поражения заслонил собою былую славу); уже ударило насилие (половецкое) на свободу (русских); уже бросился див на землю (Русскую). И вот готские красные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают (они) время Боза (антского князя, разбитого готским королем Винитаром), лелеют месть за Шарукана (деда хана Кончака, разбитого Владимиром Мономахом). А мы уже, дружина, без веселия (остались)».

Узнав о поражении Игоря, Святослав произносит свое «золотое слово», в котором упрекает Игоря и Всеволода в нарушении феодального послушания, сетует на «непосobie» ему русских князей и указывает на первое последствие поражения Игоря — нападение половцев на Переяславль-Русский

Тогда великий Святослав (Всеволодович Киевский) изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О мои дети (мои младшие князья), Игорь и Всеволод! Рано вы начали (слишком вы поторопились) Половецкой земле мечами обиду творить, а себе славы искать, но одолели (вы половцев) без чести (для себя), без чести ведь

кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата выкованы и в смелости закалены. Что же сотворили (вы) моей серебряной седине? Не вижу я уже (также) власти (не вижу его держащим власть в своих руках) сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава (Всеволодовича Черниговского), с черниговскими боярами, с воеводами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами (то есть со всеми черниговскими ордами ковуев). Те ведь без щитов, с одними засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу (побеждают, наводя ужас только боевым кличем и своей славой храбрых воинов, перешедшей к ним от прадедов). Но вы сказали: «Помужествуем сами (сами проявим мужество, не прибегая ни к чьей помощи), прошлую славу (славу предшествующего похода соединенных русских сил под главенством Святослава Киевского) сами похитим (присвоим себе славу замирителей степи, принадлежащую Святославу Киевскому), а будущую (славу своего собственного похода) сами поделим (между собой только, не привлекая других князей к походу)!» А разве дивно, братья, (мне) старому помолодеть (разве удивительно, что я перед тем победил половцев — в том походе, славу которого вы хотели похитить), когда сокол надел оперение взрослой птицы, высоко (он) птиц взбивает; не даст гнезда своего в обиду. (Следовательно: я-то силен, хоть и стар, защищаю свое гнездо), но вот зло — князьям мне не в помощь (остальные князья мне не помогают): худо времена обернулись. И вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир (Глебович Переяславский) под ранами (полученными им под Переяславлем при обороне его от вторгшихся на Русь вслед за поражением Игоря половцев). Горе и тоска сыну Глебову (Владимиру Глебовичу)!»

На этом заканчивается «золотое слово» Святослава, и сам автор начинает призывать князей на защиту Руси. Автор обращается к Всеволоду Юрьевичу Владимировичу с призывом выступить за Русскую землю

Великий князь Всеволод (Всеволод Юрьевич Владимиро-Суздальский)! (Неужели) и мысленно тебе не прилететь издалека (из Владимира-Суздальского), отцов золотой престол поблюсти (поблюсти киевский престол, на котором когда-то сидел отец Всеволода — Юрий Долгорукий)? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать (у тебя столько воинов, что ты легко можешь завоевать всю Волгу), а Дон шлемами вычерпать (ты не только можешь «испить из Дона воды», то есть завоевать земли по Дону, но ты можешь вычерпать

его весь). Если бы ты (только) был (здесь — на юге), то была бы (продавалась бы) невольница (половецкая) по ногате (по мелкой монете), а раб (половчин) — по резани (по еще более мелкой монете; так велики были бы последствия твоего пребывания здесь). Ты ведь можешь посуху живыми копьями метать — удалыми сыновьями Глебовыми! (князьями рязанскими — сыновьями Глеба Ростиславича. Рязанских князей, княживших на юг от Владимира, автор «Слова» сравнивает с копьями — оружием первой стычки в бою).

Автор обращается к Рюрику и Давыду Ростиславичам с призывом выступить за Русскую землю

Ты, буйный Рюрик (Ростиславич), и Давыд (Ростиславич)! Не ваши ли воины золочеными шлемами по крови плавали (не вам ли отомстить за своих воинов)? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями калеными на поле неизвестном (в земле Половецкой; не ваша ли дружина рвется в бой отомстить за свои раны)? Вступите (же), господа, в золотые стремяна (выступите в поход) за обиду сего времени (отомстите за поражение Игоря), за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Автор обращается к Ярославу Владимировичу Галицкому с призывом выступить за Русскую землю

Галицкий (князь) Осмомысл Ярослав! Высоко (на горе в галицком кремле) сидишь ты на своем златокованом престоле, подпер (ты) горы венгерские (Карпаты) своими железными полками, загородив королю (венгерскому) путь (проходы в Карпатах), затворив Дунаю (странам и народам по Дунаю, подвластным Византии) ворота (своей земли; то есть крепко оберегая границы своей земли и от венгерского короля и от Византии), мечá тяжести через облака (Ярослав обычно посылал войска в далекие походы, не сопровождая их сам), суды рядя до Дуная (верша суд, управляя землями до самого Дуная). Грозы твои по странам текут (страны боятся тебя), (ты) отворяешь Киеву ворота (Киев тебе покорен), стреляешь с отцова золотого стола (с престола, доставшегося тебе по наследству от отца) салтанов за землями (сидя на своем наследственном престоле и не выступая сам в поход, посылаешь войска против салтана Саладина). (Так) стреляй (же), господин, в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Автор обращается к Роману Мстиславичу Волынскому и к Мстиславу (Персопницкому или Городенскому) с призывом выступить за Русскую землю

А ты, буйный Роман (Мстиславич Волинский), и Мстислав (Ярославич Пересопницкий или другой князь — Мстислав Всеволодович Городенский)! Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко паришь (ты, Роман) на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремясь птицу в смелости одолеть. Ведь у вас железные молодцы под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие страны — Хинова (восточные народы), Литва, Ятвяги, Деремела (литовские племена) и половцы копья свои повергли (потерпели поражение, бросили оружие), а головы свои подклонили под те мечи булатные (были перебиты мечами).

Обращение к волинским князьям остается незаконченным. Под влиянием воспоминаний о победах Романа вновь возникает тема поражения Игоря. Павших воинов не воскресить!

Но уже (но теперь, в противоположность тем победам над половцами), о князь Игорь, померк солнца свет, а дерево не добром листву сронило: по Роси и по Суле города (русские) поделили (половцы между собою). А Игорева храброго полка не воскресить (не вернуть дружины Игоря)! (Помнишь, князь Игорь, что ты говорил:) «Дон тебя, князь (Игорь), кличет и зовет князей на победу!» (Вот) ольговичи, храбрые князья, (и) поспели на брань... (За год до своего похода Игорь и Всеволод не поспели принять участие в победоносном походе объединенных русских сил под предводительством Святослава Киевского; теперь же, захотев одни «испытать Дону», они поспешили лишь к своему поражению.)

Возобновляя свое обращение к волинским князьям, автор перечисляет Ингваря и Всеволода Ярославичей и Мстиславичей: Романа, Святослава и Всеволода. Он призывает их выступить за Русскую землю

Ингварь (Ярославич), и Всеволод (Ярославич), и все трое Мстиславичей (Роман, Святослав и Всеволод — князья волинские)! Не худого гнезда соколы (не плохой вы выводок соколов), (но) не по праву побед расхитили (добыли) себе владения! Где же ваши золотые шлемы, и копья польские, и щиты (на что употребляете вы ваше оружие)? Загородите (же) полю ворота (замкните русские границы со степью) своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Обращаясь к полоцким князьям, автор прежде всего указывает на общую беззащитность от «поганых» южных (по Суле) и западных (по Двине — у Полоцка) границ Руси. Он вспоминает безнадежную попытку Изяслава Васильковича

Полоцкого одному защитить свои границы от врагов Руси и его одинокую кончину на поле битвы

Уже ведь (пограничная река) Сула не течет серебряными струями для города Переяславля (не служит для Переяславля-Южного защитой от нападений половцев) и Двина (другая пограничная река — на северо-западе) болотом течет для тех грозных полочан (не служит защитой для жителей Полоцка) под (боевым) кликом поганых (литовцев; иными словами: пограничная Сула и пограничная Западная Двина как бы превратились в болотистые речушки, не служат преградами, на них не оказывается сопротивление). Один (только) Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шлемы литовские (вступил в сражение с литовцами), прибил славу деда своего Всеслава (потерпев поражение, погубил тем самым славу своего предка Всеслава Полоцкого — славу Полоцкого княжества), а сам под (своими) красными щитами на кровавой траве был прибит на (пролитую) кровь мечами литовскими (вместе) со своим любимцем, а тот и сказал: «Дружину твою, князь, птица (хищная, питающаяся мертвечиной) крыльями придела, а звери кровь (павших и раненых) полизали!» Не было тут (в этой битве) ни брата (его) Брючислава (Изяславича), ни другого (брата) — Всеволода. Так, в одиночестве, изронил (он) жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселие, трубы трубят городенские (в знак сдачи города).

Описав слабость полоцких князей в защите своих собственных границ, автор обращается с призывом ко всем князьям полоцким — потомкам Всеслава и ко всем остальным русским князьям — потомкам Ярослава Мудрого прекратить взаимную вражду, признать, что обе стороны потерпели в этом междоусобии поражение и погубили славу, перешедшую к ним от дедов

Ярослава (Мудрого) все внуки и (внуки) Всеслава (Полоцкого. Две ветви князей, постоянно враждовавшие)! Уже склоните стяги свои (в знак вашего поражения) и вложите (в ножны) свои поврежденные (в междоусобных битвах) мечи. Ибо лишились вы (подлинной боевой) славы ваших дедов. Ибо вы своими крамолами стали наводить язычников на землю Русскую (на владение ярославичей), на достояние Всеслава (на Полоцкую землю). Из-за (вашей) усобицы ведь настало насилие от земли Половецкой.

Безнадежность усобиц автор показывает на примере неприкаянной судьбы родоначальника полоцких всеславичей — Всеслава Брючиславича Полоцкого

На седьмом (на последнем) веке (языческого бога) Трояна (то есть напоследок языческих времен) кинул Всеслав жребий о девице ему милой (попытал счастья добиться Киева). Он хитростями оперся на коней (которых потребовали восставшие киевляне) и скакнул (из подгороднего «поруба», где он сидел в заключении, наверх) к городу Киеву и коснулся древком (копья) золотого (княжеского) престола киевского (добыв его ненадолго не по праву наследства и не «копием», то есть не военной силой, а древком копья — как в столкновениях между своими). Скакнул от них (от восставших киевлян — своих союзников) лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей (ночною) мглою, добыл счастья; в три удара отворил ворота Новгорода, расшиб славу (основположника новгородских вольностей) Ярослава (Мудрого), скакнул волком до (реки) Немиги от Дудуток (под Новгородом). На Немиге (не мирно трудятся) — снопы стелют из голов, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были посеяны — посеяны костями русских сынов (вместо мирного труда — война на Немиге).

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил (властвуя, следовательно, и над простыми людьми и над князьями), а сам (не имея пристанища) ночью (как тогда, когда бежал из Белгорода) волком рыскал: из Киева дорыскивал ранее (пения) петухов до Тматорокани, великому Хорсу (богу солнца) волком путь перерыскивал (до восхода перебегая ему дорогу). Для него в (его престольном городе) Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве (в заключении) звон (тот принужден был) слышать. Хоть и вещая душа (была у него) в храбром теле, но часто (он) от бед страдал. Ему вещий Боян давно (еще) припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать» (как ни «горазд» был Всеслав, но вся его неприкаянная жизнь была как бы возмездием за его усобицы).

В лирическом отступлении автор вспоминает первых русских князей, их многочисленные походы на врагов Руси и противопоставляет их современным ему несогласиям между братьями Рюриком и Давыдом в сборах на половцев

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена (еще до Всеслава Полоцкого) и первых князей (очевидно, Олега, Игоря, Святослава, Владимира)! Того старого Владимира (Святославича) нельзя было пригвоздить к горам киевским

(так часто он ходил в походы на недругов Русской земли); вот ведь (и) теперь встали стяги (приготовившись к походу) Рюрика (Ростиславича) и другие (его брата) Давыда (Ростиславича), но врозь у них развеваются полотнища знамен (нет между ними согласия. Забыты, следовательно, походы первых русских князей на врагов Руси; в нынешних походах нет между князьями согласия). Копья поют (слышатся звуки битвы)!

Возвращаясь к повествованию об Игоре, автор передает плач жены Игоря — Ярославны

На Дунае Ярославнин (жены Игоря — дочери Ярослава Осмомысла) голос слышится (голос Ярославны долетает до крайних границ Руси — до берегов Дуная), кукушкой безвестною рано (она) кукует. «Полечу,— говорит,— кукушкой по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке (где потерпел поражение Игорь), утру князю (Игорю) кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале (на переходах городских стен), приговаривая: «О ветер, ветрило! Зачем ты, господин, веешь навстречу (русским полкам)? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего милого (в битве на Каяле ветер дул на русских со стороны моря, со стороны половцев)? Разве мало тебе было в вышине под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет в Путивле-городе на забрале, приговаривая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы (в местах днепровских порогов) сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы (Святослава Всеволодовича Киевского) насады (суда с «насаженными», надшитыми бортами) до стана Кобякова (до стана половецкого войска хана Кобяка, разбитого Святославом за год до похода Игоря). Прилелей (же), господин, ко мне моего милого, чтобы не слала рано я к нему слез на море» (там, у моря, в приазовских степях, находился в плену Игорь).

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «Светлое и трижды светлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно: к чему (же), господине, простерло (ты) горячие свои лучи на воинов моего милого? В поле безводном жаждою им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло» (в трехдневном бою воины Игоря жестоко страдали от жажды).

Как бы в ответ на мольбу Ярославны «богъ путь кажетъ» Игорю на Русскую землю

Прыснуло море в полуночи, идут смерчи тучами. Игорю-князю бог путь указывает (этими приметам) из земли Половецкой в землю Русскую, к отчему золотому столу (в Чернигове).

Описание бегства Игоря

Погасли вечером зори. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. Коня в полночь Овлур (крещеный половец — друг Игоря) свистнул за рекою, велит князю разуместь: князю Игорю не оставаться (в плену)! (Овлур) кликнул, застучала земля (под копытами коней), зашумела (потревоженная) трава, вежи половецкие задвигались (половцы заметили бегство Игоря). А Игорь-князь поскакал горностаем к (прибрежному) тростнику и белым гоголем на воду. Вскочил (на той стороне реки) на борзого коня (приготовленного ему Овлуром за рекою) и соскочил с него серым волком. И побежал к излучине Донца, и полетел соколом под облаками, сбивая гусей и лебедей к завтраку, и обеду, и ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, стряхивая собою студеную росу: (оба) ведь надорвали своих борзых коней.

Разговор Игоря с рекой Донцом

Донец говорит: «Князь Игорь, немало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!»

Игорь говорит (в ответ): «О Донец! Немало тебе величия, лелеявшему князя (Игоря) на волнах, стлавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева; ты стерег его (Игоря) гоголем на воде (чуткий к приближению человека гоголь предупреждал его об опасности), чайками на струях (чайки, поднимаясь с воды, предупреждали его о приближении погони), чернядями на ветрах (чуткими к приближению человека чернядями). Не такова-то, — говорит (он, Игорь), — река Стугна: мелкое течение имея, поглотив чужие (с половецкой стороны текущие) ручьи и потоки, расширенная к устью, (когда-то) юношу князя Ростислава (брата Владимира Мономаха) заключила (утопила во время бегства от половцев после поражения). На темном берегу Днепра плачет мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. (Тогда) унылы цветы от жалости, и дерево с тоской к земле приклонилось».

Погоня за Игорем. Разговор Гзак и Кончака о том, как удержать Игоря в плену

То не сороки застрекотали — по следу Игоря едут (разговаривая — «стрекоча») Гзак с Конча-

ком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали (в противоположность помощи Игорю гоголей, чаек, чернядей — вороны, галки и сороки молчали), полозы (степные змеи) ползали только. Дятлы стуком (в зарослях деревьев в глубоких долинах степных рек) кажут путь к реке (Игорю), да соловьи веселыми песнями рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол (Игорь) к гнезду (на родину) летит, расстреляем соколенка (сына Игоря, Владимира, оставшегося в плену) своими золочеными стрелами.

Говорит Кончак Гзаку: «Если сокол к гнезду летит, то мы соколенка опутаем красною девицею (женем его на половчанке)».

И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы (оба уйдут на Русь), и станут нас птицы (соколы — русские) бить в степи Половецкой (русские станут вновь воевать против нас, если упустим заложника)».

Все то говорили Гзак с Кончаком, а вот что сказали Боян с Ходыной о Русской земле, когда в ней нет князя

Сказали Боян и Ходына — песнотворцы Святославовы (Святослава Ярославича) старого времени Ярослава, Олега-князя (Олега Святославича — «Гориславича») любимцы: «Тяжко голове без плеч, беда телу без головы», (так и) Русской земле без Игоря.

Исполнилось все не так, как говорили Гзак и Кончак. Игорь вернулся на Русь

«Солнце светится на небе, (а) Игорь-князь в Русской земле»: (это русские) девицы поют (славу Игорю) на Дунае, — вьются голоса (их) через море до (самого) Киева. (То) Игорь (вернувшись из плена) едет (в Киев) по Боричеву (подъему) к (церкви) святой богородицы Пирогошей. Села рады, города веселы. (Вся Русская земля, до далеких дунайских русских поселений, радуется возвращению Игоря.)

Заключительная слава князьям — участникам похода и дружине

Певши песнь (славу) старым князьям, потом (следует) и молодым петь: (итак:) «Слава (старым князьям) Игорю Святославичу, буй туру Всеволоду, (а также и молодому князю) Владимиру Игоревичу!» (Будьте) здоровы, князья и дружина, борясь за христиан против поганых (половецких) полков!

Князьям слава и дружине! Аминь.